

**Словом и мечом:
подвиг
священников в
годы Великой
Отечественной
войны**

Проект семьи Клёновых

К сожалению , очень мало рассказывают о подвигах священников и церковнослужителей в Великую Отечественную войну. Как они героически спасали раненых на полях битвы, как мужественно воевали в партизанских отрядах. Как отдавали на переплавку колокола для оружия солдатам ради Великой ПОБЕДЫ, помогали детским домам и госпиталям, отправляли посылки на фронт, организовывали сборы пожертвований на оружие и боевую технику.

В 2020 году мы празднуем 75 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне. Это праздник всех людей, не зависимо от возраста, вероисповедания, политических взглядов и национальности. Мы празднуем всенародный День Победы над злом и фашизмом, вспоминая великую силу духа, героизм, отвагу и огромные жертвы.

Тысячи верующих после войны ушли в монахи и священники, прикалывая к рясам 9 Мая заслуженные награды.

Мы знаем немногих священников, матушек и монахов, кто прошел Великую Отечественную войну , - сохранилось мало фотографий, мало жизнеописаний, мало свидетельств. Мы начнем этот список - здесь только некоторые имена.

Архимандрит Нифонт (в миру
Николай Глазов) (1918-2004)

Получил педагогическое образование, преподавал в школе. В 1939 году был призван служить в Забайкалье. Когда началась Великая Отечественная война, Николай Глазов продолжал нести службу в Забайкалье, а затем был направлен на учебу в одно из военных училищ. После окончания училища артиллерист-зенитчик лейтенант Глазов начал воевать на Курской дуге.

Вскоре он был назначен командиром зенитной батареи. Последний бой старшему лейтенанту Глазову пришлось вести в Венгрии у озера Балатон в марте 1945 года. Николай Дмитриевич был ранен. Старшему лейтенанту Глазову перебило коленные суставы. Ему пришлось пережить несколько операций сначала в полевом, а затем в эвакогоспитале в грузинском городе Боржоми.

Старания хирургов не смогли спасти ему ног, коленные чашечки пришлось удалить, и на всю жизнь он остался инвалидом. В конце 1945 года в Кемерово вернулся еще очень молодой старший лейтенант, на кителе которого были ордена Отечественной войны, Красной Звезды, медали: «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией». Он стал псаломщиком в Знаменской церкви города Кемерово.

В 1947 году Николай Дмитриевич Глазов приехал в Киево-Печерскую Лавру и стал ее послушником. 13 апреля 1949 года он был пострижен в монашество с именем Нифонт, в честь святителя Нифонта Печерского и Новгородского. Вскоре после пострига он был рукоположен сначала во иеродиакона, а затем в иеромонаха. После окончания Московской духовной академии направлен в Новосибирскую епархию.

**Протоиерей Николай
Колосов (1915-2011)**

Протоиерей Николай Колосов – сын священника, за это был исключен из школы. Воевал в Тульской области, в 1943 году воевал на линии Болохово-Мценск.

— «Повсюду тела убитых и раненых. В воздухе – сплошной стон. Стонут люди, стонут лошади. Я подумал тогда: «А еще говорят, что ада нет. Вот он, ад».

Стояли на реке Сож в Смоленской области. В августе 1944 года ранен под Белостоком. После войны поступил в семинарию.

Накануне Петрова дня 1948 года рукоположен во священный сан. Прошел через хрущевские гонения

Протоиерей
Василий Брылев
(1924 - 2011)

Василий Брылев в 17 лет пошел работать на завод. Это совпало с началом Великой Отечественной войны. В 1942 году, как только парню исполнилось 18, Василия отправили учиться в Ижевск, а оттуда он ушел на фронт добровольцем. Воевал под Ржевом. На Курской дуге работал связистом.

«Вернется твой соколик без одного крыла, не печалься», — сказала монахиня Татьяна матери Василия Брылева.

Из воспоминаний В.Брылёва:

- «Вначале отправили учиться в офицерскую школу Ижевска. Я раньше жил в Люблинском районе по Курской дороге. Все ребята там собрались и говорят : «Наши отцы защищают Родину, отдают за нее жизнь, а мы будем здесь сидеть. Давайте запишемся в добровольцы, чтобы нас отправили на фронт». Все записались, и я с ними. Нас было человек двадцать-тридцать.

1942 был самым страшным годом... Да. Я был подо Ржевом. Там мы были просто солдатами и там были страшные бои. В 1942 году зимой мороз был 30 градусов. Бог дал, и мы выжили. Правда, там я ноги простудил. Однажды встал и хотел пойти, но отнялись ноги, а потом все постепенно восстановилось.

Всю зиму наступали, отступали. Всякое было...

Весной 1943 года нас отправили на Курскую дугу. У меня, как у связиста, был напарник, т. к. с аппаратом положено два человека. Страшное дело было: немец откроет огонь, порвет всю связь, и ползешь под обстрелом. Рядом рвутся снаряды, а ты ползешь, потому что некуда деваться. Пули свистят.

Я был верующим человеком, а напарник мой был безнравственным... Ему было лет сорок пять, он был начальником цеха на заводе Сталина. Как провод порвется, так надо ползти. Мы должны были ползти поочередно, а он не идет. Ну, я за него и ползу. Ни в какую не идет. А куда деваться было? Ползешь, рядом снаряды рвутся, а жив остаешься. Много времени прошло, Бог хранил.

Когда мы наступали, собрались несколько человек. И неожиданно среди нас в полутора метрах оказался снаряд. Но не разорвался. Мы все потеряли сознание. Потом упали, думая, что снаряд разорвется позднее, но он не разорвался. Остались в живых.

Был еще случай. Немец открыл такой сильный огонь и порвал всю связь. Начальник штаба батальона меня посылает в одном направлении восстановить связь, а моего напарника — в другом направлении. Я пополз, далеко прополз, нашел порыв, а у нас своего провода не было, мы пользовались обычно немецкими проводами: немец отступал и оставлял. Я прополз вокруг, но провода не нашел. Пополз в сторону немцев. Прополз, может, метров триста и обнаружил провод. Я восстановил связь, а остальной провод притащил начальнику штаба. Полкатушки намотал!

За это мне дали медаль «За отвагу!», прямо на фронте наградили. Немец отступил, маленько затих. Начальник штаба собрал все четыре роты и стал говорить о том, кто как вел себя во время боя. Он сказал про меня: «Какой молодой, а как выполнил приказ командира. А этот коммунист не выполнил приказ и явился без ружья» — про моего напарника...

А он ружье бросил. Коммунист...

За что дали другие медали, отец Василий не рассказывает, отвечает кратко «Все по делам».

Коммунист и напарник Василия Брылева продолжал посылать его под обстрелы восстанавливать разрывы линии, сам же оставался в укрытии. Но это не помогло осторожному коммунисту.

Снова он меня отправил восстанавливать разрыв кабеля. Ну, я сам и пополз. Отполз, потом смотрю на это место, где он остался, — немец открыл такой огонь, все смешалось... Приполз обратно и не могу найти окоп, где напарник остался. Немного сориентировался и стал откапывать. На помощь приполз какой-то солдат. Откопали, а напарник мой без сознания. Мы его оттащили в медсанчасть. Вот так вышло, он меня посылал на смерть, а сам попал.

Когда я был на Курской дуге, я написал, что мы вступаем в бой. Мама опечалилась. А монахиня Татьяна сказала: «Не печалься, скоро он придет»

Мне руку перебило, и все так и вышло,
Господь дал. Так что и на фронте я был весь в Боге.
В окопе молитву читал.

А знаете, один раз как было — рота шла по овражку, а небо чистое и ясное. Вдруг звук такой — надрывный — смотрим — черная точка — снаряд! Не успели даже залечь в овраг, а снаряд упал рядом с нами в нескольких метрах. Упал и не разорвался! Христос сохранил нас.

Меня ранило в 1943, я без сознания лежал, сколько — никому не известно. Один Господь знает. Когда меня ранило, я об этом не знал, потому что сразу потерял сознание. Сколько Времени лежал рядом с убитыми, и, видите, остался жив. Потом я стал приходить в себя. Хотел опереться на руку, а она не действует. Лежу, а из груди течет кровь. Мне осколки попали в грудь. Легкое разорвало, грудь задело, руку перебило.

Я сам пришел в себя. Через какое-то время ко мне подполз солдат. Он сначала хотел ползти в свою часть, но немец открыл по нему огонь, и он пополз ко мне. Он мне и помог добраться до санчасти. Его послал ко мне Господь. Господь все пошлет, когда нужно. Еще полгода лежал в госпитале.

Два месяца лежал в Калуге. Потом отправили в Сибирь. До Владимира доехали — со мной плохо, я умираю. Высадили. Полмесяца полежал, опять повезли. До Перми доехали, опять со мной плохо. Полежал полмесяца в Перми. Повезли дальше, опять плохо. Высадили в Новосибирске, так и лежал до выздоровления.

Мы выполнили свой долг с Богом. Господь нас сохранил, и мы Его благодарим за это.

Я встречал Победу дома. Все встречали, все радовались...

На фронте пообещал служить Господу, и Бог видел это. Поступил в Богословский институт. Правой рукой не владел, писал на экзаменах левой. А у нас ведь правая рука — главная. Меня приняли чудом, было три человека на место конкурс. Потом я учился в Новодевичьем, а потом стал служить. Незадолго до рукоположения случилось чудо — рука — правая, так нужная священнику, — снова обрела подвижность!»

В. Брылёв окончил Московскую Духовную семинарию в 1950 году, рукоположен во священники. Он был настоятелем многих храмов, добивался, чтобы храмы не закрывали. В последние годы жизни был настоятелем Спасского храма села Большое Свинорье Наро-Фоминского района Московской области.

Протоиерей Ариан
Пневский
(1924 г.р.)

Великая Отечественная война застала отца Ариана на территории современной Польши. Работал на железной дороге помощником машиниста. В войну передавал партизанам сведения о продвижении поездов с немецкими солдатами и бронетехникой, а также поездов с советскими военнопленными и угоняемыми на работу в Германию мирными жителями.

Когда в списках отправляемых в Германию оказался сам Ариан Пневский, партизаны забрали его в отряд. Этот отряд входил в соединение под командованием легендарного партизанского генерала Сидора Артемьевича Ковпака. Молодому партизану Ариану Пневскому довелось участвовать в рейдах по фашистским тылам и диверсиях, надолго сковывающих действия армии противника. После первого ранения семье отца Ариана по ошибке была отправлена «похоронка».

Выписавшись из госпиталя, отец Ариан был направлен в танковые войска.

Во время боя, в результате прямого попадания в танк вражеского снаряда, «сдетонировал» боекомплект. Как правило, в таких случаях никто из членов экипажа в живых не остается, и родственники получили уже вторую похоронку.

Но, к счастью, опять прежнеевременную. Вернуться домой отец Ариан смог уже после войны лишь в конце 45-го года.

В 1945 году он поступил в Одесскую Духовную семинарию, которую в 1949 году с отличием окончил. Основной период пастырского служения отца Ариана пришелся на годы хрущевских гонений на Церковь.

Протоиерей Ариан Пневский является Почётным настоятелем Свято-Георгиевского прихода города Таганрога

Протоиерей Сергей
Вишневский
(1926 г.р.)

В 1941 году учился в ремесленном училище на автозаводе имени Молотова в городе Горьком, попал под первую бомбежку. В армию призван в 1943 г. Служил в пехоте, охранял склады с боеприпасами. При росте 149 см весил 36 кг. После войны отец Сергей закончил духовные семинарию и Академию, в 1952 году принял священство. Настоятель храма святых Флора и Лавра в селе Флоровское Ярославской области.

Монахиня Елисавета
(в миру Вера Дмитриева)
(1923-2011)

Родилась в Ставрополе. Прошла Великую Отечественную войну медсестрой, вынесла множество раненых бойцов с поля боя.

- «Я читала молитву, и страх как-то током в землю уходит. И слышно, как сердце бьется. И не боишься уже». Укрывала раненых солдат от фашистов. Одна из первых монахинь Хабаровска.

Матушка София
(Екатерина Михайловна Ошарина)

Закончила свою жизнь в 2008 году, служила цветоводом-озеленителем Раифского монастыря.

От Москвы до Берлина прошла она, сражаясь за родную землю. Участвовала во взятии Кенигсберга (Калининград).

Существует множество воспоминаний о молебне русских священников у стен Кенигсберга во время его штурма в апреле 1945 года.

Видела его и матушка София(Екатерина Михайловна Ошарина).

Страшно ли было на войне?

— «Когда началась Великая Отечественная, я четыре курса Алма-Атинского института закончила. Нас с первого курса уже к войне готовили: кого на медсестру, кого на радиста... Я в радисты попала. Перед отправкой на фронт мы еще месяц учились на стрелков-радистов. Но у меня всего 12 вылетов было... В начале 1942 года наша часть попала в боевые условия под Москвой.

Работали больше по ночам, по 6-8 часов. В эфире — тысячи радиостанций, и среди всего этого надо найти голос своей. Ошибешься — и все... Немцы пеленговали и старались уничтожить радистов. Поэтому станции чаще в лесу устанавливались. И их надо было охранять. Стоишь, лес шумит вокруг... Как посторонний шум — кричишь: «Стой, кто идет!». А никого нет, никто не отвечает, и только ждешь: вот сейчас, сейчас — раз, и ножом сзади! Что, не страшно? Еще как!

И только про себя все время: «Господи, спаси. Господи, помоги. Господи, сохрани»... Крестики на груди носили. А церковей за всю войну нигде, кроме как в Орле, не встречали. В деревнях они все сожженные были.

Орел никогда не забуду: большой храм на горе. Внизу вокзал, весь разбитый, вокруг все в руинах, а церковь уцелела. Помню и батюшку: небольшого роста, с необыкновенными, какими-то лучистыми глазами... Мы постояли, помолились, как могли, — за месяцы военного бытия уж все позабыли. А больше нигде церковей не встречали...

А что было, когда через Днепр переправлялись! В Могилеве, после переправы, кругом трупы, — идти было невозможно, их тысячи лежат... вот, вот, здесь! Кто-то еще жив, хватает тебя снизу, с земли — «сестричка, помоги!» А ты с радиостанцией, надо быстрее вперед, связь налаживать. А они там так и остались, без помощи... В нашем подразделении из 25 человек выжили только двое. Вспоминать тяжело.

..Как жили? В палатках, землянках. Только одна часть уйдет, после нее — сплошные вши. Помыться чаще всего негде было. В Гжатске нас окружили, неделю не могли выйти. Кругом немцы, есть было, нечего. Снимали и варили ремни. С трудом нас оттуда вытащили.

Помню Кенигсберг. Мы относились ко 2-му Белорусскому фронту, которым командовал маршал Константин Константинович Рокоссовский. Но наше подразделение — 13-й РАБ (район авиационного базирования) — находилось вместе с войсками Прибалтийского фронта, недалеко от места боев за Кенигсберг.

Очень трудно он давался. Мощные укрепления, связанные подземкой, большие силы немцев, каждый дом - крепость. Сколько наших солдат погибло!...

Взяли Кенигсберг с Божией помощью. Я сама видела, хотя наблюдала с некоторого отдаления. Собрались монахи, батюшки, человек сто или больше. Встали в облачениях с хоругвями и иконами. Вынесли икону Казанской Божией Матери... А вокруг бой идет, солдаты посмеиваются: «Ну, батюшки пошли, теперь дело будет!»

И только монахи запели — стихло все. Стрельбу как отрезало.

Наши опомнились, за какие-то четверть часа прорвались... Когда у пленного немца спросили, почему они бросили стрелять, он ответил: «Оружие отказало».

Один знакомый офицер сказал мне тогда, что до молебна перед войсками священники молились и постились неделю».

Пока память жива...

Отгремели давно
Залпы наших орудий,
А в воронке от бомбы
Трава-мурава...
Но войну не забыли
Суровые люди
И смеются сквозь слезы,
Ведь память жива!
Они помнят походы
И дальние страны,
И простые, от сердца,
Народа слова.
Помнят лица друзей,
Уходивших так рано.
Их слова и улыбки -
Ведь память жива!

Они помнят весну
45 –го года...

Закружилась от счастья
Тогда голова!
Не узнали ее,
Те, что гибли в походах,
Но все помнят друзья их,
Ведь память жива!
Эта память с корнями
Уходит все глубже,
И шумит на ветвях,
Зеленея, листва...
Её времени бег
Никогда не заглушит!
Ведь душа молода,
Пока память жива!

З. Чеботарёва

Софья Клёнова 5А класс
Василиса Клёнова 3А класс
Илья Сергеевич Клёнов
Светлана Владимировна Клёнова

ОГБОУ «Школа- интернат №26»

Рязань 2020